

Кирилл Серебряков
Мой прадед был партизаном
(к 100-летию Василия Ивановича Ноздрачева)

Мой прадед Василий Иванович Ноздрачев был партизаном Смоленщины. На его долю выпала подрывная деятельность в дни так называемой «Рельсовой войны».

В начале войны, правда, ему, двадцатитрехлетнему юноше, пришлось повоевать в танковых войсках. Он прошел ускоренную подготовку и стал помощником командира экипажа. Затем, после боев под Смоленщиной, в результате гибели капитана занял его место. На войне так и продвигались по «карьерной лестнице»; иногда это происходило очень быстро — в считанные недели или даже дни.

Впрочем, покомандовать экипажем прадед так и не успел: танк подорвали, а сам Василий Иванович еле дополз до ближайшей деревни, жительница которой его приютила и спрятала от немецких оккупационных властей. Отлежавшись, он сумел добраться до партизан, скрывавшихся в ближайшем лесу.

Последующие годы, проведенные в среднерусских лесах, суровые зимы в укрытиях под обстрелом немецких минометов сыграли свою роль в формировании личности прадеда: он стал опытным руководителем партизанского отряда им. Г. И. Котовского, получившим признание как товарищей, называвших его «своим Чапаевым», так и местных жителей.

Сам он был человеком молчаливым, и в других ценил немногословность. Оно и понятно: в лесу слышен каждый шорох, там важно уметь хранить тишину. Говорить коротко, тихо и только по делу, пробираться между стволами почти бесшумно, дышать ровно и неглубоко. Любое резкое движение, любой звук — возглас, кашель — могут стоить жизни партизану и его товарищам...

Поселок Карское, Смоленская область. 12 декабря 1942 года. Две подводы с гитлеровцами замечены на дороге. Партизаны затаились в своем укрытии... Им очень нужны припасы и вооружение, ведь связи с «боль-

шой землей» давно не было, на том конце провода — тишина... Атака, обстрел, слаженная работа, — из шести фашистов только один спасся бегством. И — драгоценные трофеи: полушубок, другая одежда, автоматы.

Еще одним воспоминанием стало освобождение деревни. Ее название, как и названия множества других деревушек, история не сохранила. Запомнилось другое — настоящий эшафот с пятью повешенными...

Но и на войне, оказывается, есть место для настоящей любви. Именно там мой прадед встретил мою прабабушку — партизанскую медсестру Францову Евдокию Тимофеевну, самоотверженную девушку, которая спасала раненых в лютый мороз.

Их сблизила одна потрясая весь отряд история — ампутация ноги партизану, у которого начиналась гангрена.

Ампутация в полевых условиях производилась с помощью пилы, без малейшего обезболивания. Какая там анестезия — кулак в зубы, если повезет, то сто грамм спирта... И кричать от боли нельзя — враги услышат... В партизанском лесу необходимо оберегать тишину.

Отряд, которым руководил прадед, уничтожил полторы тысячи немецких солдат и офицеров, пустил под откос четыре эшелона с техникой и военными силами врага, взорвал в общей сложности двенадцать вражеских складов...

Обо всем этом мы теперь узнаем из книг мемуаров, из архивных данных.

Мы с бабушкой стоим перед книжным шкафом, где на почетном месте находится портрет ее отца. Аккуратно протираем боевые медали и ордена прадеда, среди которых поблескивает орден Красного Знамени. Ежегодно в поминальный день зажигаем свечку, ставим в вазу две красных гвоздики. И молчим...

У меня в руках — письмо с благодарностями прадеду Васе, написанное его сослуживцами. Бабушка всегда плачет, читая его вслух.